

© Трофимович Т.Г.

ФРАЗЕОЛОГИЯ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА В СВЯЗИ С ОБЩИМИ ПРОБЛЕМАМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Соборное уложение 1649 года является выдающимся памятником русского права и русского языка. Оно было создано в период господства феодально-крепостнического строя и отразило серьезные сдвиги в социально-экономическом развитии России. Исторически и логически оно стало продолжением предшествующих кодексов права – Русской Правды и судебников, ознаменовало вместе с тем неизмеримо более высокую степень феодального права, отвечавшего новой стадии экономического и социального развития, развития политического строя, юридических норм, судостройства и судопроизводства Русского государства [1, с.7]

Соборное уложение 1649 года как свод законов было составлено на основании многочисленных документов предшествующих периодов и вобрало в себя не только характерные черты их содержания, но и языковые особенности. Именно поэтому его можно считать своеобразным итогом развития деловой письменности и значительным шагом вперед в развитии национального русского языка (П.Я. Черных).

Фразеологический состав языка Уложения 1649 года представляет несомненный научный интерес. Этот интерес определяется необходимостью решения не только и не столько частных проблем исторической фразеологии, сколько стремлением найти ответы на ряд общих вопросов. Каким был в целом фразеологический состав старорусского делового языка? Как представлено в нем древнерусское наследие и какова доля новообразований? Что общего и различного во фразеологических составах старорусского, старобелорусского и староукраинского языков? Какой из самостоятельных восточнославянских

языков в большей степени унаследовал древнерусский фразеологический фонд? В каком из этих языков больше новообразований и почему? Эти и другие вопросы мы уже упоминали. Попытаемся для ответов на них обзорно рассмотреть фразеологию языка Уложения 1649 года.

Знакомство с текстом памятника позволяет сделать вывод о том, что фразеологические и фразеологизированные средства номинации представлены в его языке в большом объеме. Единиц идиоматического характера находим немного: *руку приложить* 'подписать', *убить до смерти* 'казнить', *вынуть на кого-либо саблю* 'угрожать убийством', *белое место* 'имущество, освобожденное от уплаты налогов', *дети боярские* 'великокняжеские дружинники', *люди черные* 'находящиеся в тягловой зависимости крестьяне', *крест целовать* 'присягать', *бити челомъ* 'просить' и т.д.

Основной объем состава устойчивых номинативных единиц образуют фразеологизированные единицы, своего рода устойчивые формулы. В большинстве своем они называют действия преступного характера и различного рода наказания, что вполне соответствует характеру содержания анализируемого памятника письменности. Например, для обозначения преступлений против жизни и здоровья используются такие единицы: *убить до смерти*, *убить съ умышления*, *уморить голодомъ*, *окормить отравою*, *рукою зашибить*, *оружие вынуть*, *приходить скопомъ и заговоромъ*, *учинить насильство*, *учинить бой и раны*, *учинить убийство*. Воровство и различные посягательства на имущество называют единицы *взять грабежемъ*, *завладети насильствомъ*, *пограбить насильствомъ*, *озера выловить насильствомъ*, *покосы покосить насильствомъ*, *учинить воровство*, *учинить убытки*, *хлебъ жати украдомъ*. Преступления морального характера именовали устойчивые словосочетания *обезчестить словомъ*, *говорить разбой*, *оговорить безъ вины*, *искать поклепного иску*, *учинить душевредство*.

Другие преступления тоже имеют фразеологизированные средства номинации.

Отличительной чертой фразеологического состава Уложения 1649 года является присутствие в нем большого количества субстантивно-атрибутивных единиц, так называемых «серийных» выражений. Наиболее многочисленными являются бивербы с такими базовыми компонентами (перечислим их в алфавитном порядке): *вотчина, голова, город, грамота, двор, дело, дети, земля, имущество, кабала, книга, крепость, люди, память, поместье, право, приказ, служба, суд, холоп, челобитная*.

Показательно, что рассматриваемые средства именованья наиболее активно использовались для называния людей (*голова, дети, люди, холопы*), документов (*грамота, кабала, книга, крепость, челобитная*), имущества (*вотчина, двор, земля, имущество, поместье*). Есть основания считать, что именно эти реалии играли заметную роль в социально-экономических и правовых отношениях тогдашнего общества, активно развивались, поэтому нуждались в большом количестве названий. Абсолютным лидером по количеству образованных на его базе устойчивых фразеологических и фразеологизированных наименований является слово *люди*. В языке Уложения 1649 г. нами отмечено 84 единицы с этим компонентом: *люди белые, беглые, ближние, боярские, воинские, волостные, воровские, выборные, городовые, гулящие, данные, даточные, дворовые, деловые, добрые, докладные, домовые, думные, жилецкие, задворные, зарубежные, знатные, избылые, именитые, имянные, кабальные, комнатные, крепостные, крещеные, купленные, литовские, лихие, лихованные, лучшие, мастеровые, мирские, московские, наемные, неслужилые, нетяглые, новоприбылые* и т.д.

Среди многочисленных субстантивно-атрибутивных устойчивых единиц немало таких образований, в которых наблюдается значительное переосмысление атрибутивного компонента, приводящее, как нам

представляется, к фразеологизации единицы. Рассмотрим, к примеру, те единицы, в которых атрибутивный компонент связан с понятием действия как передвижения в пространстве. К таким могут быть отнесены: *люди бродячие* (не приписанные ни к какому владельцу), *люди гулящие* (свободные, не имеющие закрепленного места жительства), *мужи разъезжие* (люди, участвовавшие в межсезонии), *грамота разъезжая*, *память разъезжая* (документы о межсезонии), *память переходящая*, *грамота переходящая* (письменное разрешение на переход священника в другую епархию), *головица прохоящая* (поголовный денежный сбор с проходящих и проезжающих), *грамота прохоящая*, *память прохоящая*, *лист прохоящий*, *письмо прохоящее* (документы на право прохода и проезда), *грамота ввозная* (разрешение вступить во владение помещьем), *перехоящий боран* (пошлина за переход крестьянина в другую деревню), *деньги повезлые* (пошлина за провоз товара), *деньги переходящие* (плата владельца за дворы, которые превышали положенное для владения число), *деньги ходячие* (имевшие распространение на данной территории в данное время) и некоторые другие. Приведенные значения установлены по историческим словарям, комментариям к изданиям памятников письменности, в том числе и Уложения, и указывают, что привлеченное к именованию действие в той или иной степени переосмыслено. Рассмотрим это подробнее.

Так, например, глагол *бродить*, по происхождению связанный с понятием *брод* и означавший первоначально процесс преодоления водной преграды вброд [Фасмер, 1, с.216], постепенно приобретает значение разнонаправленного движения. Словари древнерусского языка на это и указывают [Срезн., 1, с. 179; СДЯ, 1, с.319]. С течением времени его семантика обогащается: (1) *ходить по воде вброд*; (2) *ходить медленно, с трудом*; (3) *посещать кого-либо*; (4) *скитаться*; (5) *заниматься чем-либо, присматривать* [СлРЯ, 1, с.335-336]. Понятно, что четвертое значение

подразумевало, что *люди бродячие* не имели пристанища, не были закреплены за владельцем и поэтому скитались. Однако некоторое переосмысление значения налицо. Известные нам исторические словари не фиксируют эту единицу ни как фразеологическую, ни как фразеологизированную, хотя в силу своих свойств она может быть к такому отнесена. Выявленный нами смысл подтверждается содержанием памятников письменности. Например, Уложение 1649 года, устанавливая единые основания для возбуждения уголовного дела за разбой и татьбу, независимо от социальной принадлежности обвиняемого, сохраняло четко выраженный принцип феодального права о привилегиях [1, с. 354]. Вынуждены привести широкий контекст, чтобы было понятно, как выделяется *человек бродячий* в правоприменении: *А на которого человека в роспросе и с пытки язык говорит в розбое или в татьбе и на очной ставе его познает, а учнет говорить на него с очей на очи то же, а тот будет человек бродячий... и того человека по язычной молке пытать. Ул. 1649 г., XXI, 38.* Схожие контексты находим и в других памятниках, они дают основания считать, что атрибутивный компонент анализируемого устойчивого словосочетания подвергся переосмыслению, однако его акциональная ориентация при этом не утратилась.

То же самое можно утверждать и применительно к фразеологизму *люди гулящие*. Обозначая круг значений глагола *гулять*, словарь указывает: (1) *прохаживаться*, (2) *водиться*, *пастись*; (3) *уходить на охоту*; (5) *быть в отлучке*; (5) *проводить время в праздности* [СлРЯ, 4, с. 157]. Этот же словарь, фиксируя причастия *гулящий* - *гулячий*, отмечает значения: (1) *свободный, ничем не занятый*; (2) *не имеющий собственного двора, не приписанный ни к кому* [СлРЯ, 4, с. 157]. Приводимое под вторым значением словосочетание *гулящие люди*, а также несоответствие семантики производящего глагола и образованного от него причастия наталкивает на мысль о том, что указанное наименование является

фразеологическим, а вычлененное значение фразеологически связанным. Старорусские тексты подтверждают повторяемость и воспроизводимость этого биверба, дают возможность ощутить его устойчивый характер: *За гулящим человеком за Панкою Топорниковым ...вотчина на реке Ворскле. ПРКМП, 172. И той пропажи узнал он, Микитка, в Кузнецком у гулящева человека, у Васки Алабуги. КЧ, 215. Того ж числа явил целовальником курченин гулячеи человек Ивашка Ондреев мерин каракул . ПЮН-ТК, 18.* В тексте Уложения это устойчивое словосочетание тоже встречается: *А деловым людем... за бесчестье и за увечье учинить указ против государевых дворцовых сел крестьян. Гулящим людем по рублю за человека. Ул.1649 г., X, 24.*

Часть акциональных компонентов в исследуемой группе устойчивых словосочетаний имеют лишь незначительно переосмысленную семантику и являются фразеологизированными наименованиями. Сущность механизма их возникновения состоит в свертывании прототипических, пропозиционных структур, как следствие этого, расширение синтагматических возможностей составляющих возникший биверб слов. Можно с большой долей уверенности утверждать, что *деньги ходячие* стали так называть потому, что они имели распространение, хождение, что *память, грамота перехожая* документально закрепляли факт перехода священника в другую церковь, и так далее.

Остановимся на словосочетаниях, в составе которых были прилагательные и причастия, восходящие к глаголу *жить*: *запись жилецкая, запись жилая, грамота жилецкая, грамота жилая (документ на право поселения на запустевшей земле), люди жилецкие (получившие право жить на запустевших землях с условием обрабатывать их), деревня живущая (деревня, в которой живут люди), пашня живущая (пашня, которую активно обрабатывали), поместья жилые, вотчины жилые (поместья и вотчины, в которых живут люди).* Атрибутивные

компоненты этих единиц являются производными от глагола *жить* в значениях *'находиться, располагаться'*, *'жить, обитать'* [СДЯ, 3, с. 263; СлРЯ, 5, с. 115-116]. Понятно, что в словосочетаниях *деревня живущая, поместья жилые, вотчины жилые* причастие и отглагольные прилагательные (генетически тоже причастия) семантически мало отделились от производящего глагола, приобретя некоторый добавочный смысл, возникший в результате олицетворения как разновидности метафорического переноса. Ср.: *И ис тое ржи новым помещиком давати семена на живущую пашню крестьянкие пахати тожь. ЗАРГ, 240.* В наименованиях *запись жилецкая, запись жилая, грамота жилецкая, грамота жилая, люди жилецкие* отдаление в семантике более значительное. Можно считать, что та часть значения данных единиц, которая касается поселения на опустевших землях, возникла в результате переосмысления (семантической транспозиции). Словарная фиксация в числе прочих значения (3) *поселившийся на запустевшей земле* у слов *жилой, жилецкий* [СлРЯ, 5, с.111] каким-то образом проясняет смысл названия *люди жилецкие*, хотя сема *'при условии обрабатывать землю'* остается не эксплицированной. В других названных единицах атрибутивные компоненты переосмыслены вследствие свертывания пропозиционных структур (грамота давала право поселиться кому-то на запустевшей земле, эти люди назывались жилецкими, жилыми – *грамота жилецкая, жилая*). Тексты памятников письменности хорошо иллюстрируют устойчивый характер приведенных наименований и факт семантических преобразований атрибутивных компонентов: *По твоему государеву указу прибрал яз холоп твои на Елец в жилыи козаки. ПЮН-90, 28. И дворяне, и дети боярские, и стрельцы...и всякие служивые жилецкие люди. ПЮН-90, 60. Полоняником на откуп збирать денги ежегод с городов всего Московского государства, с посадских дворов... и со всяких жилецких людей... Ул.1649 г., VIII, 1.*

Подобное рассмотрение изменений в семантике компонентов бивербальных наименований позволяет сделать вывод о том, что неоднословные наименования в старорусском языке вовлекались в процесс фразеологизации. К таким конститутивным свойствам фразеологических единиц как устойчивость, воспроизводимость и повторяемость добавлялось и переосмысление (транспозиция) лексического состава.

Фразеология Уложения 1649 г. дает богатый материал для сравнительно-сопоставительных исследований. Известно, что среди источников этого свода законов особое место занимает Литовский статут 1588 года. М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что значительная часть его глав и статей представляют собой целиком или буквальный перевод, или довольно точный перефраз (sic!) Статута []. Следовательно, сопоставление фразеологических составов этих памятников письменности целесообразно и правомерно в аспекте установления их общности и специфики.

Нами был предпринят сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических и фразеологизированных средств номинации преступлений и наказаний, употребленных в текстах Уложения 1649 года и Статута 1588 года. Полученные выводы оказываются созвучными основным общим выводам нашего исследования: фразеологические составы самобытны, имеют лишь незначительный общий фонд. Так, например, старорусским единицам со значением 'лишить жизни, умертвить' *убить до смерти, учинить убийство* соответствуют старобелорусские *на смерть забить, учинить забойство, о горло приправить*. Другим старорусским фразеологизмам, называющим преступления против жизни и здоровья *уморить голодом, окормить отравой, рукою зашибить, вынуть саблю, оружие вынуть*, соответствуют старобелорусские *шаблю достать, броню достать*. Старорусским названиям незаконного посягательства на имущество *взять грабежем*,

завладети насильствомъ, озера выловить насильствомъ, имати насильствомъ, учинить воровство, учинить убытки соответствуют старобелорусские *шкоду учинить, грабежъ учинить*. Названиям преступлений морального характера, зафиксированным в Уложении *обезчестить словомъ, говорить разбой (татьбу, воровство), оговорить безъ вины, искати поклепного иску, клепати напрасно, крестъ целовати накриве*, в Статуте 1588 года соответствуют названия *слова соромотить, злодейство доводити*.

Для выявления старорусских и старобелорусских фразеологических соответствий сопоставим тексты некоторых глав Уложения и ставших для них источником разделов Статута 1588 года. Так, источником главы V Уложения «О денежных мастерах, которые учнут делать воровские денги» является артыкул 17 второго раздела Статута «О фальшованью монеты, о мынцах и о золотарах». В старорусском тексте отмечаются такие устойчивые словосочетания: *мастер денежный, денги воровские, денги укладные, казнити смертию, мастер серебряных дел, мастер золотых дел, учинить убытки, бити кнутом*. Старобелорусский текст свидетельствует о том, что старорусская единица *учинить убытки* стала соответствием старобелорусского выражения *учинить шкоду*, а старобелорусский фразеологизм *на горле огнем карати* передается в старорусском тексте при помощи устойчивого словосочетания *казнити смертию* и свободного словосочетания *залити горло*, которое эксплицирует в тексте способ смертной казни.

Принимая во внимание факт того, что Статут 1588 года является одним из важнейших источников Уложения 1649 года, сопоставим отразившиеся в их текстах устойчивые словосочетания субстантивно-атрибутивного типа. Так, с компонентом *дети* в Статуте находим *дети дорослые, недорослые, учтивого ложа (законные)*, в тексте Уложения *дети бобыльские, боярские, боярские городовые, боярские дворовые*,

боярские служилые, крестьянские, неверстаные, стрелецкие, холопы. В Статуте *земля жамойтская, обрубная,* в Уложении – *земля белая, выгонная, государева, дворцовая, казачья, крестьянская, новораспашная, оброчная, отхожая, пашенная,* всего 23 наименования. Двенадцати старобелорусским субстантивно-атрибутивным бивербам из Статута с компонентом *люди* (*люди волные, околичные, оселые, отчизные, похожие, прибылые, простые, путные, рыцерские, свольные, тяглые, убогие*) соответствует 84 единицы из Уложения (см. выше их перечень).

В результате проведенного сопоставления вырисовывается вывод о том, что в старобелорусском языке при высоком уровне развития самобытной фразеологии продуктивность «серийных» выражений была ниже, чем в старорусском языке.

Фразеология Уложения 1649 года подтверждает наше предположение о том, что старорусский язык унаследовал лишь незначительную часть древнерусской фразеологии, как и старобелорусский. В доказательство приведем лишь один фрагмент языкового материала.

В древнерусском языке отмечено довольно большое количество фразеологических единиц с компонентом *глава / голова: възнести главоу, не имети кѣде главы подѣклонити, обратитися на главоу, поклонити главоу, постричи главоу, глава ляжетъ, главоу / голову положити (съкладати, съложити), на свою главоу / голову, съклонити голову, головою клепати, головою повалити, головою своею, сидети надъ головою* [СДЯ, т. 2, с. 321, 348], *головою выдати, своею головою, на голову побити* [Срезн., т.1, с. 543]. В старорусский период продолжают функционировать такие древнерусские по происхождению фразеологические единицы как *главу / голову положити (покладати, покласти, приложити, складывати, сложити), главу / голову поклонити (поклоняти, подклонити), своею главою / головою, голову положити (сложити, складывати), на свою*

голову, головою добыти, голову блюсти, над головою сидети [СлРЯ, т.4, с.62 – 63, 22].

Как показывают наблюдения, старорусский язык обогатился большим количеством фразеологических новообразований с компонентом *голова*. Именно в таком, характерном для восточнославянских языков виде, названное слово приобретает много новых значений. Кроме известных древнерусскому языку '*голова, часть тела*', '*единица счета людей*', '*убитый*', '*первенствующий, главный*', развиваются значения '*должностное лицо, начальник*', '*вешина, верхняя часть чего-либо*', '*лучшая часть чего-либо*' и др., всего десять значений вместо четырех древнерусских [СлРЯ, т.4, с. 62 - 64]. Появление в XVI веке у слова *голова* значения '*должностное лицо, начальник*' сопровождается возникновением большого количества фразеологизированных единиц, называющих должностных лиц в зависимости от того, какие обязанности и в какой сфере деятельности они выполняли: *голова засечный, заставный, кабацкий, казачий, объезжий, осадный, письменный, пушкарский, сотенный, станичный, сторожевой, стрелецкий, таможенный* и т.п. Так, например, *сотенный голова* – *должностное лицо, возглавлявшее сотню как войсковую единицу: И техъ служилыхъ людей **сотеннымъ** головамъ без гсдрва указу и без воеводскаго ведома для своей корысти никуда не ропускать. Ул. 1649.*

Многочисленные старорусские новообразования представляют собой фразеологические единицы с высокой степенью спаянности компонентов: *головы доезжати* '*уничтожить, преследуя*', *на голове имети* '*лично ручаться*', *на чью голову дати / взяти* '*на кого лично дать / взять поручительство*', *по головам* '*на каждого*', *своими головами* '*сами, лично*', *голыми головами (отпустити)* '*без всякого имущества*', *сухою головою* '*без всякого имущества*' [СлРЯ, т.4, с. 62 - 63]. Сюда же отнесем не зафиксированную словарем фразеологическую единицу *головою*

выдать в значении *'передать человека исцу лично для отработки взыскиваемого имущества'*: *А будет стрелцом заемных денег по кабалам или исцовых исков платить будет нечем, и их исцом и в ысцовых исках головою не выдавать... Ул. 1649, X, 265.*

Обратимся к старобелорусскому языку. Рассматриваемый опорный компонент употреблялся там в виде *голова, глава, глова, кглова* и имел практически идентичное старорусскому языку семантическое наполнение. В старобелорусский период продолжают функционировать древнерусские фразеологизмы *не мети где главу приклонити, на главу свою, голову сложити (положити)* [ГСБМ, т. 6, с. 284, т.7, с. 34]. Старобелорусские новообразования тоже обладают высокой степенью спаянности компонентов: *вложити (вложити) корону на голову 'короновать', кивати головою 'делать знак', головою муру не пробить 'невозможно достичь чего-либо', выпустити з головы 'забыть', белая голова 'женщина', взяти голову 'покарать смертью'* [ГСБМ, т.7, с. 34 - 36].

Таким образом, предпринятый нами обзор фразеологического состава выдающегося памятника старорусской деловой письменности Соборного уложения 1649 года позволил подтвердить наши предположения о том, что старорусская фразеология представляла собой развитую систему единиц с различной степенью их фразеологизации. Древнерусское фразеологическое наследие немногочисленно, значительную часть устойчивых словосочетаний составляют субстантивно-атрибутивные образования, которых в старорусском языке больше, чем в старобелорусском. Как показывает наш обзор, фразеологический состав Уложения нуждается в тщательном и всестороннем изучении.

Литература

1. Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. – М., 1987.

Список сокращений

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1982-2010. – Вып. 1-30. **КЧ** – Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического музея / Отв. ред. Е.И.Индова. – М.: Наука, 1994. – 332 с. **ПКМНМ** – Приходная книга Московского Новодевичьего монастыря (1603-1604) // Источники по социально-экономической истории России XVI-XVIII вв.: Из архива Московского Новодевичьего монастыря: В 2 ч. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Подг. текста В.Б.Павлова-Сильванского. – М.: Ин-т истории СССР, 1985. – Ч. 1. – С. 81-151. **ПЮН** – Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII вв. / Под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1990. – 232 с. **СДЯ** – Словарь древнерусского языка. XI-XIV вв. / Под ред. Р.И.Аванесова. – М.: Наука, 1988-1992. – Т. 1-4. **СлРЯ** – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; Гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975-2010. – Вып. 1-28. **Срезн.** – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 1-3. **Ул. 1649 г.** – Соборное уложение 1649 г.: Текст, комментарии / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Рук. авт. коллектива А.Г.Маньков. – Л.: Наука, 1987. – 448 с. **Фасмер** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Б.А.Ларина. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т. 1-4.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Количество примеров можно увеличить, но все они иллюстрируют самобытность старорусской и старобелорусской фразеологии по отношению друг к другу.

Сравнение показывает, что определенная часть фразеологического материала старорусского и старобелорусского языков находятся в соотношениях межъязыковых фразеологических синонимов: *учинить убийство – учинить забойство, убить до смерти – на смерть забить, учинить убытки – учинить шкodu* и т.д. Ценный материал для фразеологических наблюдений сравнительно-сопоставительного плана содержит Московский перевод-редакция Статута 1588 года, который подтверждает наши выводы. Так, например, старобелорусскую фразу *слова (дотъкливymi славы и почтивости) соромотить* переводчик передал следующим образом: *Или кого из урядников градских словомъ браннымъ обезчестилъ и опозорилъ. МП-Р, IV, 7.*